

Автор Переписки мог найти в документах ссылки на обычай отца Ивана IV, Василия Ивановича, требование достойного приема послов и «больших» «поминок», дани. В избытке находил он и угрозы разорить страну, пленить царя, который не сможет противиться татарской силе, потому что, сказано в Переписке, «русский воздержатель хощеши один со мною братися, а не возможеши противу меня стояти, потому что в силе твоей стяжания нету и храбрости и конского урищрения».

Карамзин, ссылаясь на Дела крымские, приводит относящиеся к 1538 г. письма Сагиб-Гирея, в которых содержатся угрозы: «примиришься с моею Казанью и не будешь требовать дани с ее народа; но если дерзнешь воевать, то не хотим видеть ни послов, ни гонцов твоих: мы, неприятели, вступим в землю Русскую и все будет в ней прахом»;²¹ «... Государева обычая не держал отец твой как неискусный народ зане же некоторый государь так не делывал»; «Более ста тысячь рати у меня есть, и возьму шед из твоей земли по одной голове, сколько твоей земле убытка будет и сколько моей казне прибытка? Чаешь меня, как предние наши были а се иду... и ты буди готов, яз схоронясь нейду... Твою землю возьму, а ты захочешь мне лиха чинити, на мою тебе землю нейти... с великим царем Магмедом, с упокойником с дедом нашим из Суждала прадед твой Василий бился с ним, да и в руки ему попал».²² Общий тон Переписки напоминает переводы татарских грамот и русские ответы на них. Вот та же грамота 1538 г., приведенная Соловьевым, в более полном виде с ответом русских бояр: «Если пришлешь мне, что посылали вы всегда нам по обычаю, то хорошо, и мы по дружбе стоим. А не придут поминки к нам, всю зиму станешь волочить и откладывать до весны, то мы, надеясь на бога, сами искать пойдем, и если найдем, то ты уже потом не гневайся. Не жди от нас посла, за этим дела не откладывай, а станешь медлить, то от нас добра не жди. Теперь не по-старому с голою ратью татарскою пойдем: кроме собственного моего народа пушечного будет со мной счастливого хана (султана Турецкого) сто тысяч конных людей; я не так буду, как Магмет-Гирей с голой ратью, не думай, побольше его силы идет со мною. Казанская земля мой юрт, и Сафа-Гирей царь брат мне: так ты б с этого дня на Казанскую землю войною больше не ходил, а пойдешь на нее войною, то меня на Москве смотри».²³ Ответ от лица царя писали бояре: «Для тебя, брата моего, и для твоего прошения я удержал рать и послал своего человека к Сафа-Гирею: захочет он с нами мира, то пусть придет к нам добрых людей, а мы хотим держать его так, как дед и отец наш держали прежних казанских царей. А что ты писал к нам, что Казанская земля — юрт твой, то посмотри в старые твои летописцы, не того ли земля будет кто ее взял? Ты помнишь, как цари, потерявши свои ордынские юрты, приходили на Казанский юрт и брали его войнами, неправдами, а как дед наш милостию божиею Казань взял и царя свел, того ты не помнишь! Так ты бы брат, помни свою старину и нашей бы не забывал».²⁴ Переписка сохранила агрессивный резкий тон грамот татарского хана. Ответ Ивана IV в Переписке начинается с вежливого извещения о приеме послов, что соответствует спокойному тону грамоты бояр.

²¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VIII. Изд. 2. СПб., 1819, стр. 39. Приложение № 61 (Дела крымские, № 8, лл. 416—425, 473, 478).

²² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VIII, стр. 22—23. Приложение № 82 (Дела крымские, № 8, лл. 490—492).

²³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. VI, стр. 29—30.

²⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, стр. 33—34. Карамзин в т. VI «Истории государства Российского» цитирует этот же документ в нескольких переводах и ссылается на Дела крымские, № 8, л. 480.